

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КОЧЕВНИКИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ» (Лейпциг, 11—12 декабря 1975 г.)

Международный симпозиум «Кочевники в истории и современности» был организован Лейпцигским музеем этнографии и кафедрой этнографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в рамках совместно разрабатываемой научной проблемы «От племени к государству». В симпозиуме участвовало более ста ученых из 11 стран (ГДР, СССР, ВНР, ЧССР, ФРГ, Голландии, Дании, США, Кувейта, Сомалийской Демократической Республики и Демократической Республики Судан), специалисты по этнографии, истории, археологии, социологии, сельскохозяйственным наукам и другим дисциплинам.

Во вступительной речи директор Лейпцигского музея этнографии В. Кёниг подчеркнул рост политического и научно-практического значения исследования кочевничества, особенно вследствие развивающейся интеграции кочевого и оседлого населения во многих молодых государствах Африки и Азии.

Симпозиум открылся докладом Г. Е. Маркова (Москва) «Отношения зависимости и эксплуатации кочевников Азии». Докладчик отметил, что возникновение кочевого скотоводства сопровождалось разложением первобытнообщинных отношений и возникновением значительной имущественной и социальной дифференциации. Наиболее распространены среди кочевников были военная и экономическая формы зависимости и эксплуатации. Военная зависимость выражалась главным образом в даннических отношениях, а также в использовании вооруженной силы зависимых племен. Внеэкономическая зависимость внутри кочевого общества не могла иметь сколько-нибудь широкого распространения вследствие поголовного вооружения народа. Зато существовали разнообразные и развитые формы экономической зависимости и эксплуатации богачами основной массы непосредственных производителей. Наиболее распространенными были наем пастухов, отдача скота на выпас, использование сезонных рабочих, злоупотребление обычаями взаимопомощи. При оседании кочевников возникала феодальная, а в новейшее время капиталистическая эксплуатация.

Эти положения получили дальнейшее развитие в докладе В. Кёнига (Лейпциг) «Вопросы общественной организации кочевников». Докладчик отметил, что общественная организация кочевых народов — отнюдь не непосредственный результат эволюции первобытнообщинной общественной структуры, а качественно новое явление. Уже в эпоху возникновения кочевничества скот превратился в частную семейную собственность. Однако в таких условиях индивидуальные семьи не могли существовать самостоятельно, что влекло за собой сложение кочевнической племенной структуры. Семьи объединялись по формально-генеалогическому принципу, и реальное родство существовало обычно только между самыми мелкими подразделениями племенной структуры — семейными группами, связанными общими хозяйственными интересами. В высших элементах племенной структуры родство было фиктивным, и связи между крупными племенными подразделениями основывались главным образом на политических и военных соображениях. В относительно мирные времена семейные группы имели довольно большую самостоятельность, а высшие звенья племенной организации были аморфными. В период военных коллизий племенная структура приобрела форму военной организации, что привело к ее дальнейшему укреплению. При этом крупнейшие военные предводители получили значительную власть над соплеменниками, вследствие чего возникли военно-деспотические отношения, что видно на примерах так называемых «кочевых империй». После распада последних предводители теряли значительную часть своего влияния. Основную особенность общественной организации кочевничества составляли переходы общественной структуры из одного состояния в другое, что приводило к существенным сдвигам в социально-экономических отношениях.

Т. А. Жданко (Москва) в своем докладе «Проблемы этнического развития кочевых племен и народов в эпоху позднего феодализма (по материалам Средней Азии и Казахстана)» обосновала тезис о том, что еще до XVIII в. среди обитавших там народов выделялись народности, отличавшиеся друг от друга по языку и этническим особенностям. Вместе с тем в их составе сохранились племена, что затрудняло быструю консолидацию народностей и было причиной типичного для кочевников «двойного самосознания», т. е. сознания одновременной принадлежности к племени и народности.

Б. Х. Кармышева (Москва) в своем докладе «Опыт типологии традиционных форм скотоводческого хозяйства в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.)» рассмотрела выработанную в ходе составления этнографических карт классификацию типов кочевого хозяйства и основные черты этих типов.

В дополнение к этой классификации К. Петцольд (Росток) и В. Кёниг указали на тесную связь отдельных форм скотоводства с общественными, историческими, географическими и другими факторами.

В.-Д. Зейверг (Лейпциг) в докладе «Формы зависимости у кочевников северо-западной Африки» подверг анализу социально-экономические отношения в традици-

онном мавританском обществе, где экономика основывалась главным образом на па-стушеском хозяйстве. Рассмотренный фактический материал привел докладчика к вы-воду, что отдача богачами скота на выпас обедневшим кочевникам приводила к тому, что последние оказывались в состоянии зависимости.

В докладе «Развитие кочевничества на Древнем Востоке по археологическим источникам в связи с проблемой последнединовых колебаний климата» Б. Брентъес (Галле) высказал мнение, что кочевничество представляло собой боковую ветвь складывавшегося «аграрного» типа хозяйства (Wirtschaftsweise). При этом кочевничество возникло в ходе специализации и приспособления хозяйства в аридных областях. Б. Брентъес выступил как сторонник тезиса о невозможности происхождения кочевничества из охотничьего хозяйства. По его словам, имеющийся материал свидетельствует, что кочевое хозяйство прошло в своем развитии ряд ступеней, находившихся в известной связи с последнединовыми колебаниями климата.

Е. Еттмар (Гейдельберг, ФРГ) прочел доклад «Значение политических центров для возникновения раннего кочевничества в Центральной Азии». Исходя из археологических данных, он выдвинул гипотезу, согласно которой мнение об автохтонном возникновении кочевничества в Центральной Азии не соответствует действительности. Возникновению кочевничества предшествовало, по его мнению, вторжение в Центральную Азию воинственных иранских племен. Только после того, как они были вытеснены, началось интенсивное развитие местного населения, перерабатывавшего пришлое культурные элементы в соответствии со своей идеологией. В подтверждение своей гипотезы К. Еттмар указал на ряд новейших аналогий между находками из курганов и в погребениях на Гиндукуше.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) рассмотрел в своем докладе «Новейшие исследования древнетюркских памятников Монголии» ряд важных исторических проблем, причем обратил особое внимание на значение симбиоза между кочевниками и оседлым населением уже на самых ранних этапах истории кочевничества.

С. П. Поляков (Москва) в своем докладе «Погребения кочевников как исторический и этнографический источник» остановился на проблемах формирования в Туркмении в X—XVII вв. этнических общностей, складывавшихся по хозяйственно-территориальному принципу.

В докладе «Начало оседания тувинцев в Западной Туве» Э. Таубе (Лейпциг) показала на основании обширных полевых материалов, собранных еще в 1966—1969 гг., изменения в хозяйстве и быту рассматриваемой группы населения. Докладчица отметила, что успешное развитие процесса оседания было связано с большой помощью государства: строительством оседлых поселений со школами, больницами и предприятиями по переработке молока. Освобождавшаяся рабочая сила направлялась на курсы переподготовки для получения новых специальностей. Вместе с тем, несмотря на эти крупные социально-экономические преобразования, в быту сохранились еще некоторые патриархальные пережитки и обычаи.

Новейшим проблемам кочевничества в зоне Сахеля (Западная Африка) были посвящены доклады Р. Герцога (Фрайбург, ФРГ) «Влияние последней засухи на кочевников Сахеля» и Л. Гусселя (Лейпциг) «Скотоводство в Сахеле, Западная Африка». Р. Герцог осветил последствия недавней засухи в Сахеле (1970—1974 гг.), в результате которой погибло до 42 млн. голов скота, и подверг критическому анализу выдвигаемые в настоящее время проекты по решению кочевнической проблемы в этом регионе. В противовес выдвигаемой рядом специалистов программе полного восстановления кочевничества и прежнего поголовья стад, Р. Герцог высказал мнение о необходимости соотносываться с природными ресурсами и ограничить в разумных размерах поголовье стад.

Л. Гуссель отметил в своем докладе несовместимость традиционных методов кочевоего хозяйства с задачами ведения товарного скотоводства. Развитие последнего в Сахеле докладчик связывал с интенсификацией всего хозяйства, строительством глубоких колодезев, организацией системы закупок скотоводческой продукции и т. п.

Л. Свободова (Прага) в докладе «Традиция кочевоего быта у скотоводов фульбе Сенегала» рассмотрела их комплексное хозяйство, в котором при постепенном возрастании значения земледелия главную роль все еще играет скотоводство. Даже доход, получаемый от хлопководства, используется обычно для увеличения поголовья стад. Л. Свободова отметила также, что хотя фульбе считаются мусульманами, в их религиозных представлениях значительное место еще занимает анимизм.

В докладе «Махрам. Равенство между мужчиной и женщиной в пустыне» Г. Рейнтъенс (Кельн, ФРГ) обрисовала положение женщины у бедуинов Северной Аравии. Докладчица отметила, что в период «джахилии», т. е. доисламский, женщины пользовались значительной свободой, и что в специальной литературе содержатся неверные сведения относительно выплаты выкупа за невесту. В действительности, во многих племенах этот выкуп вообще отсутствует. Г. Рейнтъенс привела многочисленные примеры высокого положения женщины у бедуинов.

С докладом «Новые занятия у бедуинов» выступил Л. Штейн (Лейпциг). Он отметил, что благодаря усилиям правительств ряда развивающихся стран значительно ускорилось оседание бедуинов; причем этому процессу способствовал ряд других факторов. Большинство бедуинов, переходивших к оседлости, становилось земледельцами или поступало на службу в различные военные формирования. Кроме того,

немалое число бедуинов стало работать в промышленности, преимущественно подсобными рабочими и шоферами, в торговле — прежде всего в мелочной и посреднической, а также в сфере обслуживания туристов в качестве прислуги. Хотя служба в вооруженных отрядах больше всего отвечала привычному образу жизни бедуинов, она привела к наибольшему его изменению. Женщины из оседавших бедуинских групп находили применение своему труду главным образом в сельском хозяйстве, что консервировало их неполноправное положение в обществе. Но в странах с прогрессивным социальным строем женщины получают возможность для приобщения к квалифицированным специальностям. Эти факты полностью опровергают имеющую еще хождение точку зрения о том, что бедуины презирают всякий производительный труд, кроме скотоводства, и не могут вследствие этого интегрироваться в современном обществе. Л. Штейн отметил огромное значение школьного и профессионального образования в деле преобразования традиционного образа жизни бедуинов.

Два доклада суданских ученых были посвящены современным проблемам кочевничества в Демократической Республике Судан. Г. Исмаил рассмотрел «Всеобщие аспекты кочевничества в Судане», а А. Эль-Курди прочел сообщение на тему «Значение проекта Хашим-эль-Джирби для оседания кочевников в Бутане». В 1964 г. суданское правительство предприняло переселение 50 тыс. нубийцев из зоны затопления Ассуанского водохранилища в Бутану. Так как это мероприятие значительно сокращало пастбищные площади местного населения, были разработаны мероприятия для оказания помощи кочевникам, желающим перейти к оседлости. Но эта помощь оказалась совершенно недостаточной, к тому же им запретили брать с собой в оседлую зону большие стада скота. Вследствие этого значительная часть населения вернулась из оседлой полосы на свои прежние места расселения, где опять стала заниматься кочевым скотоводством на оставшихся свободными пастбищах. К оседлости перешли только самые богатые и самые бедные хозяйства, причем богачи стали особенно усиленно эксплуатировать бедняков в качестве паемных пастухов.

Доклад сомалийского ученого А. Мирре «Собственность на скот, пастбища и воду у кочевников северного Сомали» был основан на новых материалах автора. А. Мирре считает, что хотя каждое племя пасет свой скот в нормальных условиях на одних и тех же пастбищах, это не создает для племен не только прав исключительного, но даже преимущественного владения ими. Так же обстоит дело с водными источниками, которые находятся в пользовании всех скотоводов, независимо от их племенной принадлежности. Стада представляли собой всегда семейную собственность и не подлежали разделу даже после смерти главы семьи. Однако в последние годы все больше стали проявляться тенденции к усилению имущественного и социального неравенства. Богачи стали сооружать частные колодцы, за пользование которыми они взимают значительные суммы.

К. Фердинанд (Орхус, Дания) изложил в своем докладе «Караванная торговля и базары в Центральном Афганистане — конец старой торговли» первые результаты своей экспедиции в Афганистан летом 1975 г. Расцвет караванной торговли и базаров в центральных областях Афганистана наблюдался в конце XIX в., когда базары на плоскогорьях функционировали по 40—50 дней в году. В новейшее время правительство переместило базары в области, где они оказались под контролем правительственных чиновников, взимающих с торговцев налоги. Это мероприятие значительно ослабило экономику кочевников, уже подорванную заменой караванной торговли грузовым автотранспортом.

Т. Гофман (Будапешт) прочел интересный историографический доклад «Содержание скота, кочевое хозяйство и крестьянская культура Европы».

В докладе Г. Майер (Дрезден) рассматривалась проблема исторического значения козоводства. Разведение коз первоначально широко распространенное в Средиземноморье и Передней Азии, потеряло, по мере одомашнивания новых видов скота свое значение и превратилось во второстепенный вид хозяйства. До сегодняшнего дня козоводство сохраняется у гуанчей на Канарских островах и у бекерелей в Кашмире. На примере последних были охарактеризованы особенности пастухов-козоводов и показаны неудачные попытки перевести их на оседлость или распространить среди них другие виды скота.

Последним был прочитан доклад И. Эрдели (Будапешт) «Некоторые замечания об обществе аваров в свете археологических источников». Докладчик отметил, что в письменных источниках содержатся лишь скудные сведения о социальной структуре рассматриваемого народа, главным образом о его верхушке.

Археологические материалы доказывают наличие в обществе аваров значительной имущественной дифференциации.

По многим проблемам, затронутым на симпозиуме, развертывались оживленные дискуссии. При этом наибольшее внимание привлекли узловые вопросы социально-экономической истории кочевничества, а также актуальная проблема перехода кочевников к оседлости, путей их интеграции в современном обществе.

В заключительном слове, посвященном итогам работы симпозиума, Г. Е. Марков отметил большую работу, проведенную как организаторами совещания, так и его участниками. Эта совместная работа может рассматриваться как хороший образец международного научного сотрудничества, отвечающего духу разрядки напряженности в современном мире, сотрудничества, позволившего обсудить крупные и принципиаль-

ные научные проблемы. В заключение своего выступления Г. Е. Марков выразил общее пожелание, чтобы столь удачно начатая в Лейпциге работа получила дальнейшее плодотворное развитие в ходе последующих дискуссий.

Прочитанные на симпозиуме доклады, а также рефераты, присланные учеными, не имевшими возможности принять в нем личное участие, будут опубликованы в специальном выпуске «Ежегодника Лейпцигского музея этнографии».

В. Руш, Л. Штейн

ФОЛЬКЛОР И ОБЩЕСТВО

(СИМПОЗИУМ БОЛГАРСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ)

По приглашению Болгарской Академии наук (БАН) и Комитета искусства и культуры в мае — июне 1975 г. я знакомился с деятельностью болгарских коллег. Мне была оказана честь представлять советскую фольклористику на Третьем национальном симпозиуме болгарских фольклористов, который состоялся в небольшом старинном городке у подножия Осоговских гор — Кюстендилье.

Наряду с хорошо известными советскому читателю этнографами и фольклористами (Хр. Вакарелски, В. Маринов, С. Джуджев, П. Динеков, Р. Ангелова, Р. Кацарова, Е. Стоин) в симпозиуме приняли участие многие успешно работающие молодые специалисты, подготовке которых в Болгарии уделяется большое внимание. На симпозиуме присутствовали работники культурно-просветительных учреждений страны, местная интеллигенция, студенты и участники художественной самодеятельности; были здесь и гости из других социалистических стран. Столь широкую аудиторию привлекла актуальная проблема, обсуждавшаяся на симпозиуме, — «Фольклор и общество».

На первом заседании, после торжественного открытия и выступлений представителей общественности, было прочитано три доклада: «Фольклор в исторической судьбе болгарского народа» (директор Института фольклора БАН акад. П. Динеков), «Особенности и современные проблемы фольклора в Кюстендильском округе» (П. Пешев) и «Современный фольклоризм» (В. Е. Гусев).

В последующие дни было заслушано и обсуждено свыше 30 докладов и сообщений. Тематика их была весьма разнообразной и охватывала как ранние этапы истории фольклора, так и его современное состояние. Большое внимание уделялось социальным функциям фольклора, его роли в национально-освободительной и революционной борьбе болгарского народа, месту и значению фольклора в социалистическом обществе.

В докладе П. Динекова на примерах из юнацкого эпоса, гайдуцких песен, преданий и других жанров были освещены разносторонние связи фольклора с исторической действительностью и рассмотрено отражение в фольклоре народного сознания. Подчеркнув прогрессивную роль фольклора в социальном развитии болгарского народа, П. Динеков поставил вопрос о функциях фольклора в развитии национальной культуры. Другую сторону этой проблемы обстоятельно рассмотрела С. Стойкова в докладе «Болгарский фольклор и культурное развитие». Она охарактеризовала обратное воздействие культурного прогресса на судьбы фольклора и отметила неравномерный и противоречивый характер этого процесса: распространение грамотности и образования, а также развитие средств массовой коммуникации ведет, с одной стороны, к сокращению сферы традиционных форм бытования фольклора, а с другой — к появлению и распространению его новых форм, репродукции и популяризации.

В некоторых докладах конкретизировались мысли, высказанные П. Динековым и С. Стойковой. Так, процесс взаимодействия традиционной народной культуры с профессиональной художественной культурой проиллюстрировала И. Холевич в докладе «Фольклор и болгарское общество XIX в.». Современной трансформации фольклора в художественной самодеятельности и в творчестве композиторов был посвящен доклад П. Льондева «Художественное преобразование болгарского музыкального фольклора».

Глубокое теоретическое обоснование социологического изучения фольклора содержалось в докладах: Н. Георгиева «Общность, общество и фольклор», С. Джуджева «Общественные основы музыкального фольклора», Т. Ив. Живкова «Социологические аспекты фольклора». Последний доклад привлек внимание полемичностью содержащихся в нем положений. Т. Живков рассматривает фольклор как особый тип культуры, как определенную систему, функционирующую в обществе по специфическим законам. По мнению докладчика, фольклор надо рассматривать прежде всего как художественную культуру локальных этносоциальных коллективов (классическая форма — патриархальное село). Изучение «горизонтального плана» фольклора раскрывает систему многочисленных локальных форм; «вертикальный план» позволяет уста-